

Вафина Алсу Хадиевна

ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ РЕБЕНКА В ПОВЕСТИ "КОТИК ЛЕТАЕВ" АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье анализируется словесный опыт ребенка-нарратора в повести "Котик Летаев" Андрея Белого. Основное внимание уделяется выявлению идейно-тематических и формально-содержательных сторон в речевых структурах нарратора. Выявляется нелогическое (ассоциативное) структурирование речевых моделей во внутренних монологах Котика-ребенка в соответствии с авторской творческой установкой на передачу "ритмов внутренней жизни". Подобная установка способствует созданию смысловой множественности текста. Реализуется она также и при помощи сознательной авторской акцентировки на мистификации реально-жизненных отношений повествовательных инстанций, что позволяет проследить эволюцию образа нарратора в тексте посредством анализа языкового потенциала, имплицитно заключенного в этом образе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 55-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1(092)

Филологические науки

В статье анализируется словесный опыт ребенка-нарратора в повести «Котик Летаев» Андрея Белого. Основное внимание уделяется выявлению идейно-тематических и формально-содержательных сторон в речевых структурах нарратора. Выявляется нелогическое (ассоциативное) структурирование речевых моделей во внутренних монологах Котика-ребенка в соответствии с авторской творческой установкой на передачу «ритмов внутренней жизни». Подобная установка способствует созданию смысловой множественности текста. Реализуется она также и при помощи сознательной авторской акцентировки на мистификации реально-жизненных отношений повествовательных инстанций, что позволяет проследить эволюцию образа нарратора в тексте посредством анализа языкового потенциала, имплицитно заключенного в этом образе.

Ключевые слова и фразы: Андрей Белый; символизм; языковой опыт; нарратор; «Котик Летаев».

Алсу Хадисевна Вафина, к. филол. н.
Кафедра зарубежной литературы
Институт филологии и искусств
Казанский федеральный университет
alsu_vafina@mail.ru

ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ РЕБЕНКА В ПОВЕСТИ «КОТИК ЛЕТАЕВ» АНДРЕЯ БЕЛОГО[©]

Основная тема повести «Котик Летаев» (1915) – история становления автобиографического героя Котика-ребенка. Последовательно развиваясь и выкристаллизовываясь в предшествующем периоде его творчества, в повести данная тема реализует заложенный в ней идейно-тематический и формально-содержательный потенциал. Для Андрея Белого работа над собой носила символический характер: это было приближение к новой фазе культуры, мистерии человеческих отношений. Одним из первых в русской литературе рубежа веков (XIX-XX) автор заговорил о феномене «энергичного» видения человека [1, с. 17]. Так, в повести «Котик Летаев», передавая «ритмы внутренней жизни» глазами ребенка, Андрей Белый «заставляет» своего героя постоянно соприкасаться с «Иным себе». Об этом свидетельствует характеристика писателем творческой установки в данных произведениях: «Я хочу здесь описывать, что случилось во мне, в моем мире сознания, когда то-то и то-то предстало “событием” в нем» [4, с. 125].

Данный сюжет предоставляет писателю потенциал для создания смысловой множественности авторского творческого задания, что, в свою очередь, приводит к ожидаемой множественности читательских интерпретаций. А. Белый добивается подобного эффекта в исследуемых произведениях путем мистификации реально-жизненных отношений повествовательных инстанций, находящихся к тому же на разных повествовательных уровнях.

В повести «Котик Летаев» мы имеем дело с растворением перволичной повествовательной модели (условно обозначаемой как «я повествую»). Биографическую дистанцию писатель оставляет лишь формально. Он смотрит на прошлое как на переживаемое настоящее и присутствующее в нем будущее. Здесь уже и взрослый повествователь, и Котик сочиняют, при этом их функции сходны: оба воспроизводят особую реальность – мир детства и мир интуитивного философствования.

Автор для передачи опыта до-телесной памяти обращается к наррации ребенка. Эксплицирование к детскому восприятию позволяет раскрыть «сказку в прозе вещей». Через цитируемый мир Котика автор адресует к абстрактному читателю посредством «творческого слова», которое движет мир, которое сочетает «творчество смысла с познанием данной внесмыслицы в бытии» [6, с. 83]. Слова в том значении, в котором ими пользуются взрослые, способны лишь вращаться вокруг опыта жизни до рождения. Они не способны передать «дотелесный» опыт, опыт сверхсознания. Слова – лишь «инструмент», при помощи которого говорится о невозвратно утерянном.

В осмыслении самого символиста мир – серия бесконечных повторений; нет таких новых образов, которые бы уже не повторяли существовавшую ранее серию образов. Данное поступательное восприятие мира делегируется в романе Котику-ребенку. В повествовании ребенка новые образы соединяются с уже известными образами (сигналами). Это соединение продолжается до тех пор, пока не устанавливается та форма мышления, которую можно определить через систему «взаимо-резонантных сигналов» [3, с. 104]. В повествовании ребенка события и предметы могут представляться через цепь ассоциативных подстановок. Тогда язык и мир, окружающий его, становятся сущностями, которые необходимо сочетать во взаимном соответствии (язык – мир). Совершенно справедливо Н. Г. Шарепенкова замечает, что игра в языковые соответствия позволяет герою воспринимать мир в его мифологической емкости: «Языковые игры Котика Летаева

переводят весь образный ряд текста в мифологическую плоскость» [5, с. 301]. Ярким примером данного перехода становится момент, когда тетя Дотя показывает ему отражение в зеркале:

«Оплотневшая тетя Дотя становится: Евдокией Егоровной; она – как бы Вечность.

Тетя Дотя расстроена: расстроена в зеркалах: в том и этом: обнимая меня, указывает на зеркало: там – она; и еще кто-то там; зеленоватый, далекий и маленький, в бледно-каштановых локонах; а тетя Дотя мне шепчет:

– Чужие... <...>

Мне впоследствии тетя Дотя является: преломлением звукохода; тетя Дотя мне; мелодический звукоход; а все прочие ходы суть грохоты; и особенно папин ход: грохоход – папа – ход...

Тетя Дотя – минорная гамма; или строй торчащих чехлов: и кресло в чехле – называю Егоровной я; и мне каждое кресло – Егоровна; строй Егоровен – Вечность... Он ряд повторений: э-моль: повторение одного и того же. Тетя Дотя как гамма, как тканьье, как падение капелек в рукомоинике, как за окнами строй солдат без офицера и знамени; ее назвал “дурной бесконечностью” знаменитый Гегель» [2, с. 339].

В приведенном примере образ тети в детском сознании не прикреплен к конкретному субъекту. И как следствие, мы видим, что ребенок начинает искать значение для этого слова через цепь ассоциативных подстановок. В процессе осмысления сигнала (читатель непосредственно наблюдает за этим процессом в силу того, что он имеет дело со вторичной знаковой системой) ребенок начинает переносить сигнальное имя своей тети на другие объекты. Подобная метонимическая цепь подстановок, совершаемых детским сознанием, говорит читателю о расширении детским сознанием коннотации «*тети Доти*». Они (коннотации) включают в себя определения «*мелодический звукоход*», «*минорную гамму*» и «*кресло*». Мы видим, что ребенок Котик осознает абстрактность имени («*тетя Дотя*»). Слово «*Егоровна*» в сознании ребенка предполагает «*бесконечные серии кресел*». С позиции взрослого нарратора слово «*Егоровна*» также неопределенно, поскольку его смысл в действительности есть «*принцип повторения*», и оно (слово) может обозначать попеременно то «*солдат в строю*», то «*гамму*» и т.д. Здесь «*Егоровна*» уже функционирует как общее обозначение одной из парадигм, которую ребенок уже умеет «*строить*». Он воспринимает принципиальную основу слова «*Егоровна*» как повторение. Образ «*тети Доти*» здесь отделен от объекта (реальная тетя Дотя), первое неизбежно становится объектом второго: образ тети становится объектом Егоровны.

Итак, в детском сознании «*тетя Дотя*» и «*Егоровна*» не одно и то же. Многочисленные зеркальные отражения тети Доти усиливают идею повторения, которую автор связывает с номинацией объекта «*тети Доти*». Необходимым же условием для порождения серии потенциальных смыслов является зеркало, в котором отражается воспринимаемое явление и тем самым получает возможность видоизменяться. Подобная замена потенциальных смыслов референтами является своеобразной экспликацией авторского представления об основных этапах приобщения ребенка к индициальной системе знаков временного мира. Поскольку детскому сознанию метафоричность в осмыслении языкового знака еще недоступна, контекстуальные смыслы, подбираемые нарратором-ребенком, определяют реальность (предметы) словами. Здесь автор вводит в текст сознание идеального реципиента, предоставляя ему лингвистическую задачу, в процессе решения которой должен быть сделан вывод о том, что они (слова) становятся «*встречным пунктом*» для ноуменов с общим признаком («*этого*» образа тети Доти – реального и «*того*» образа – отражения в зеркале).

Отсутствие образного восприятия ребенка автор восполняет «игрой» Котика со звуковой «оболочкой» слов, в процессе которой происходит создание образов по принципу сходства. Поскольку нарратор-ребенок не обладает необходимым и достаточным жизненным опытом и целостным восприятием мира по принципу всеобщей относительности, его метафорическое осмысление мира основывается не на смысловом, а звуковом сходстве явлений.

Результатом подобного восприятия действительности являются речевые ошибки в его языковой практике, когда центральной проблемой для героя становится изменчивость семантики слов. Непонимание семантики слов Котиком вызывает у окружающих иронию. Лексическое, метафорическое определение мира детским сознанием, на первый взгляд, не вписывается в сюжетное повествование романа: создаются фрагменты с сюжетным отклонением. Эти «отклонения» любопытны читателю с точки зрения духовных «заблуждений» героя. Так, уловив возможность соотносить слова по сходству, субъект повествования начинает сравнивать сигналы не по смыслу, а по фонетическому звучанию.

В качестве примера можно рассмотреть метафоричное осмысление детским сознанием слова «Кремль». Смешивая смысл слов «Кремль» и «крем-брюлэ» [Там же, с. 364], Котик приписывает их звучанию один смысл. В данном примере суть его «ошибки» определяется метонимической контаминацией на уровне определения (в лингвистике это – слова-паронимы).

Автор демонстрирует читателю языковую образную игру как один из возможных вариантов преодоления несоответствия детского опыта и лексического словаря взрослых. Соотнося речь папы с языковой игрой сына, автор подсказывает читателю источник для данных экспериментов в повествовании вторичного нарратора. Данный опыт заимствуется Котиком из денотативной речи папы. Отец, математик и логик, говорит на языке определений-метафор: «*Земля – шар...*»; «*Математика – гармония сферы...*»; «*Гром... – скопление электричества...*» [Там же, с. 334, 368, 387].

Следовательно, смысл слова можно найти путем подстановок, и такая игра со словами может быть

бесконечной. В повествовании нарратора-ребенка выстраивается бесконечная цепочка определений, превращающих значение в сигнал через последующее значение (выразительный пример в литературе XX века – книга К. И. Чуковского «От двух до пяти», где на многочисленных примерах из детской речи автор доказывает способность детей к бесконечным играм со словами). В результате таких превращений детское сознание убеждается в невозможности достижения конечного определения:

«...понимание мира не слито со словом о мире; и безболезненно гонится смысл любого словесного взятия...» [Там же, с. 364].

Отцовские слова-определения (значения, референты) не отвечают ни на один из вопросов, интересующих ребенка. Ребенок, «схватив» принцип замены одного понятия другим, который он уловил из отцовской речи, руководствуется им при восприятии библейских сказаний, читаемых ему отцом. Он приобретает запас определений-образов, которые применяет в собственном языковом опыте:

«Я – ходил в Рае... как старый Адам, – изгнан я... я боюсь, что Раиса Ивановна будет изгнана тоже» [Там же, с. 437]. *«Боа – змей; да, оно, – обвивается вокруг древа из блесков...»* [Там же].

Такая форма языковой игры позволяет Котику замещать собой и других известных персонажей. Так, в эпизоде, где папа Сони читает «Демона», нарратор-ребенок «помещает» себя и Сонию на место Демона и Тамары. Значение в этой языковой игре, по причине максимальной избыточности, трансформируется Котиком Летаевым в метафору (троп, обладающий емким потенциалом для расширения семантического поля).

Следовательно, фрагменты текста, повествуемые от лица ребенка, выделяются на общем фоне условностью их фонетического выражения, дихотомией буквальных и образных смыслов. Однако личному детскому словарю противостоит, с одной стороны, «немота», вызванная непониманием других, а с другой – обнаружение детским сознанием того факта, что слова (сигналы) не могут выступать в качестве объяснения референтов.

Таким образом, речевые замены в тексте ребенка становятся для автора способом иллюстрации универсальной ступени в развитии ребенка. Индивидуальный опыт словотворчества помогает герою преодолеть то, что взрослым сознанием называется отсутствием смысла. В повествовании нарратора-ребенка первенствующее значение приобретает игра со словами, с их звуковыми выражениями. В результате подобных метаморфоз слова обретают «ясность». Игра со словами помогает преодолеть «разрыв», существующий между взрослым, вербально выражаемым миром и «детским», интуитивно познаваемым. В этом «детском» мире слова не всегда имеют логически определяемый смысл.

В повествовании ребенка извечный, безвременный смысл окружающего, иллюзорность тех понятий, которыми оперируют «они», «чужие», контекстуализируется в системе образов, накопленных культурой.

Список литературы

1. **Акопова Ю. А.** «Энергичная» концепция личности и ее художественное воплощение в симфонии Андрея Белого «Возврат» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 17-19.
2. **Белый А.** Котик Летаев // Белый А. Серебряный голубь: повести, роман. М.: Современник, 1990. С. 309-459.
3. **Зайнуллина Л. М.** Лингвокогнитивное исследование адекативной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). Уфа: РИО БашГУ, 2003. 256 с.
4. **Лавров А. В.** Андрей Белый: разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 520 с.
5. **Шарапенкова Н. Г.** Творимый космос зарождающего самосознания (повесть «Котик Летаев» Андрея Белого) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 1. С. 301-304.
6. **Юрьева З. О.** Творимый космос у А. Белого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 115 с.

LANGUAGE EXPERIENCE OF CHILD IN STORY “KOTIK LETAEV” BY ANDREI BELYI

Alsu Khadieva Vafina, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Literature
Institute of Philology and Arts
Kazan' Federal University
alsu_vafina@mail.ru

The author analyzes the verbal experience of a child-narrator in the story “Kotik Letaev” by Andrei Belyi, pays special attention to the revelation of ideological-thematic and formal-content aspects in the narrator’s speech structures, and reveals the illogical (associative) structuring of speech patterns in the internal monologues of Kotik-child in accordance with the author’s creative concept to convey the “rhythms of internal life”. Such concept helps create the meaning multiplicity of the text. It is also implemented by the author’s conscious accentuation on the mystification of real-life relationships between narrative instances, which allows tracing the evolution of the narrator’s image in the text by analyzing the language potential, implicitly contained in this image.

Key words and phrases: Andrei Belyi; symbolism; language experience; narrator; “Kotik Letaev”.